

АНДРЕЙ ТЕРЕХОВ

ЭКСПЕРИМЕНТИУМ

16+

Андрей Сергеевич Терехов

Экспериментиум

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43378050

SelfPub; 2020

Аннотация

Сборник литературных франкенштейнов, в телах которых намертво сшиваются жанры, стилистики... а иногда и обычные предложения. Иначе говоря, выпендрож. О результатах моих экспериментов можно судить по конкурсным отзывам, полученным одной из миниатюр: "Оценка минус два, т.е. отрицательная, показывающая личное отношение к этой нечитаемой простыне бессмысленного выпендрёжного текста, бьющего по мозгам кувалдой различных, необоснованных сюжетом, оборотов" (с) Родионов М.В. // "Терехов надёжно и снова о мертвецах, без обиняков, массивом. Читать с заунывом, соскакивая голосом на полутон вниз и возвращаясь" (с) Флинт Киборд

Содержание

Спокойной ночи, луна	4
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Спокойной ночи, луна

Ночь, улица, кирпичная стена. Из канализационной решетки поднимаются клубы пара. Сбоку, над тротуаром, нависает изогнутый фонарь, будто тяжелое, спелое яблоко пригибает ветку. Призрачное сияние сбрызгивает древнюю кладку и асфальт – очерчивает небольшую сцену. Посреди нее вытянутая тень. Пахнет сыростью, цитрусовыми духами, гниением, совсем рядом капает вода, и ровным гулом отзывается автострада.

Слышится женский вздох. Скорее ласковый, чем уставший. Тень на стене шевелится и частично разделяется на две. Первая – крупнее, мощнее, видимо, в куртке и брюках, вторая – тоньше и изящнее, с красивым египетским профилем. Волосы собраны в хвост, костюм дамы похож на деловой: юбка-карандаш, жакет, высокие каблуки.

– Кажется, я только этого и ждала весь день, – говорит женщина, и голос у нее низкий, вибрирующий, по-детски восторженный. – Или всю жизнь? Столько раз представляла, каким будет мой... мой... – она запинается, – столько раз выстраивала это в голове, а потом соглашалась на меньшее, думала, ладно, обойдусь, и так неплохо. Нет, плохо, плохо! Как крыса, подыхающая в темном лабиринте. А сейчас хорошо, просто хорошо, и не как... когда люди задыхаются от счастья, а просто тепло и хорошо. Мне хорошо в этом кро-

хотном тупичке, Бог знает где. Будто шла, шла и могу наконец прилечь, могу отдохнуть. Минутка счастья на дне грязной лужи. (внезапно) Хочешь томатный сок? Я купила на обед, но не успела поесть. И бутер еще, такой, в пластиковой коробке. Не хочешь?

– Не хочу. Иди ко мне.

Две тени вновь сжимаются в одну, и она кажется тоньше, напряженной, чем в прошлый раз.

– ...постой. Нет, постой, только не целуй, – странным, нервным голосом просит мужчина и отодвигается. – Поцелуешь один раз, и все, назад пути нет. Господи, ты красивая. Красивая. Господи, как меня к тебе тянет. Потому и... Нет, то есть. Не потому. Стой. Да стой же, я тебя прошу: ТАК нельзя.

– О, неужели ты опять за старое? Ну а как иначе, глупыш? Мы не можем в открытую.

– Не можем, – будто эхо повторяет собеседник.

Повисает долгая пауза. Силуэт его подруги роется в карманах, достает сигареты и закуривает. Когда она стряхивает пепел, на стену летят огненные искорки. Порой дует ветер и скулит в жестяных водостоках, как раненая собачонка, – в такие минуты из прически женщины выбиваются локоны, и тени их подрагивают на фоне кирпичей.

– Что ты хочешь сказать? – голос нарочито бесцветный.

– Что все не так, как должно быть.

– Не так? Что не так? Не так хорошо? Не так... – она по-

ворачивается лицом к тротуару, точно думает над следующим словом, а хвостик волос прыгает из стороны в сторону. – Не так прожарено? Недосолили, недоперчили, не полили соусом – что?

– Успокойся. Господи, ты чудная. Ты очень чудная.

– (недовольно) Угу. Зачем ты меня оскорбляешь?

– Нет! – тень мужчины поднимает руку ко лбу. – Не думал даже. Ты что? Я... Ну пойми, мы не можем так видеться. Это не нормально. Мы не должны так.

– Да? Тогда что? – тон собеседницы едкий, вызывающий. – Ресторан? Отель? Париж? Рим? О, придумала: поход в горы. Какие у нас есть горы? Карпаты? Или это не наши? Там нужен загранпаспорт? Уже...

– Прекрати! – это звучит тонко, скорее, жалобно, чем сердито. – Мы не можем так видеться, это неправильно. ЭТО НЕ-ПРА-ВИЛЬ-НО.

– Что может быть неправильного в чистом и светлом чувстве?

– Оно будет не такое уж чистое и светлое, если мы (смущенно замолкает) перейдем границу.

– Да? Тогда, может быть, не стоило и заикаться о том?

– Что? Ка... Что? Господи, ты невозможная.

– О, теперь я невозможная. А когда-то была "красивая". Как я пала. Прошла жизненный путь среднестатистической жены за три минуты.

– Ты не моя жена! Ты моя сестра!

Наступает тишина, силуэт мужчины ходит из стороны в сторону. Собеседница взамахивает рукой, и о стену, вспыхивая, ударяется сигарета. Взрывается снопом алых искр, переворачивается несколько раз и с шипением падает в лужу.

Женщина говорит тихо, будто себе под нос:

– В некоторых культурах это не помеха. Еву сделали из ребра Адама – она как овечка Долли была. И что? А египтяне только и выходили, что за сестер.

– Ка... Что? Какие египтяне? Нет, ну погоди, как ты себе это представляла? Через пять лет? Через десять лет? Двадцать? Эта же подворотня? Эта? Эта же, потому что рассказать – сама знаешь – нельзя. Через сорок лет?

– Ты сам выбрал эту подворотню. Сам, как и в прошлый раз. А я ничего не представляла. Хоть раз в жизни я не хотела ничего представлять и о чем-то думать. И надеялась, что ты поступишь так же. О, видел бы ты свое лицо. Будто тебе на штаны кипятки вылили.

Мужчина вздыхает и говорит медленно, тщательно подбирая слова:

– Мы не можем сделать это... эту... эти...

– Мы не можем трахнуть?

– Господи, ты меня доведешь! Почему тебе обязательно нужно доводить меня?

– Что? Я просто закончила фразу, – тень женщины элегантно чешет ногу (насколько это вообще можно сделать элегантно). – Ты у нас всегда был самый стеснительный в семье.

Самый добрый, сильный, красивый – да, ты всегда был красивее меня, – и самый стеснительный. Из-за этого люди помыкают тобой, как ты не поймешь?

– Прекрасно. Хватит. Мы забываем обо всем и ведем себя в дальнейшем как обычные родственники. Мы никогда это не вспоминаем, никогда об этом не говорим. Хватит.

– Всегда поражалась, как ты умеешь вставить этакое словцо. "В дальнейшем". Что оно вообще значит, это "в дальнейшем"? И почему не говорят "в ближайшем"? В дальнейшем ближайшем. Нет, что оно значит все-таки? Через минуту? Час? День? Год?

Дует промозглый ветер. На освещенную часть тротуара влетает листва, фантики, стикер со стилизованной картинкой взрывающегося вертолета. Стикер кивает в разные стороны, будто раскланивается, делает кувырок и мчится дальше.

– День, – бросает устало мужчина. – Тебя устроит один день?

– Нет, меня не устроит день. Ты обещал, что этого не повторится. (повышает голос) Ты обещал! Ну посмотри – это уже было, и ты обещал, что больше не станешь доставать меня. Почему ты опять все портишь? Либо мы родственники, либо нет – можешь ты хоть на что-то окончательно решиться? Вот тебе темный переулок, вот я – приставь меня к стене и сделай хоть один-единственный раз свое дело. Хочешь? О, по глазам вижу, что хочешь. Или забудь это, но забудь наве-

гда, потому что ты не можешь дергать меня всякий раз, когда тебе нейдет, а потом идти на попятную. Решись уже! Или мне самой все сделать? (голос ломается) Я вообще не хочу, чтобы мы притворялись, будто ничего нет. Можно молчать, но чувство остается.

Силуэт женщины – каблуки цокают, цокают – приближаются к собеседнику, проводит пальцем по его шее.

– Чувство, – продолжает она, – это вот дразнящее, щемящее чувство, никуда не уйдет.

– (неуверенно) Я уйду. Не буду с тобой видеться, и оно забудется. Встречу нормальную...

– Угу. Пупок не надорвешь? Ты уйдешь, а потом опять станешь ластиться, нежничать, закидывать подарками, – прерывает собеседница. Поза ее выглядит напряженной. – Ты достал меня. Ты понимаешь? Ты понимаешь, что это невыносимо? А если бы у меня муж был? А? Ты понимаешь, что я живу... словно... словно крыса в темном цементном мешке? Дышу цементом, ем цемент, пью цемент, я задохнусь от тебя, если ты и дальше так будешь. Посмотри на меня. Посмотри мне в глаза. Я задохнусь от тебя.

Мужчина отстраняется.

– Не говори ерунды. (неловкая пауза) Хорошо, я уже ухожу. Плохая идея. Больше это не повторится. Спокойной ночи.

Звучит шорох ботинок по асфальту. Женский силуэт остается в одиночестве на стене. Поднимает руку ко рту, за-

тем выставляет ее вперед, точно хочет дотянуться. Несколько секунд ничего не происходит. Вдруг мигает фонарь, и следом раздается тихий голос:

– Лучше я расскажу отцу.

Шаги мужчины замирают. Дует стылый ветер, неся в круг света опавшую листву, обрывок газеты.

– (голос женщины крепнет) Да, я расскажу отцу. Скажу, что нас надо вылечить. И нас вылечат. Хоть так, но это мучение закончится. Ха-ха. Да, ты помнишь, что он сделал с мамой, когда она... О, ты помнишь. Ты лучше меня... помнишь. С нами он сделает тоже, но мне не жалко. Пускай. Нет, ха-ха, тебя он еще и уволит. Если будет смысл. Если от тебя что-то останется.

– Господи, ты сумасшедшая, – голос звучит издалека. – Ты чокнутая психованная... (напряженная пауза) Ты этого не сделаешь.

Женщина стоит неподвижно, ее рука еще вытянута вперед, точно у статуи Ленина, хвостик волос колышется от ветра. Затем фантом на стене шевелится, раздается писк телефона, гудки. Долгие, призрачные, протяжные – как будто к пристани подходит теплоход. Слышно тихое бормотание и тут же – звук возвращающихся шагов.

– Папа? Разбудила? Па... Я хорошо. Нет. Нет. Па... Нет! Папа, я должна сказать, – доносится топот, будто кто-то бежит. – Ты слышишь? Мы с братом...

В круге света возникает тень мужчины, хватает что-то у

головы собеседницы и взмахивает рукой. Новенький красивый телефон с треском ударяется о стену, моргает, падает на решетку, которая все так же дышит паром – будто в канализации варят и варят нескончаемые макароны.

– Что ты делаешь? – возмущается женщина. – Я его только купила!

– Господи, ты больная. Ты просто на голову больная.

– Больная? Да, оскорбляй меня. Вместо того, чтобы хоть раз быть смелым и честно все рассказать. Вместо того, чтобы трахнуть меня на этой улице или оставить меня наконец в покое – ты меня только оскорбляешь. Bravo.

– Да, я трус, а как ты себе это представляешь? "Папа, мы с сестрой решили жить вместе. Нет, папа, не как брат и сестра, как страстные любовники!"

– Ну тебя!

Худая тень наклоняется, будто ищет что-то, и каблуки ритмично, почти спотыкаясь, бряцают по асфальту.

– Куда он упал? Ты видел?

– Нет, я не видел, – собеседник отвечает несколько злобно, затем тоже начинает искать.

Некоторое время слышно лишь яростное сопение, шорохи.

– Я только вчера набросала туда музыки. И фото из командировки, я хотела тебе показать, – она нервно хихикает, – и видео, там папа что-то о планах компании говорит.

– Офис в стиле "Гугл"?

– Угу.

– Он всегда об этом говорит, когда напьется. Мечтательный идиот.

– Наш отец.

– Отец? После того, что он сделал с мамой... – мужчина встает во весь рост и смотрит в сторону. – Похороны...

– Что-то, а похороны никогда не забуду. Жуть. Она мне часто снится... вся... какой мы ее нашли. Жутко. Просто жутко, никогда бы не думала, что такое бывает в обычной жизни. Но случилось.

– Я его ненавижу. Иногда смотрю ему в глаза, улыбаюсь, а сам думаю, как душу его или вскрываю ему череп. Такие черные, тягучие мысли, что самому страшно.

– Когда ты так говоришь, мне тоже становится страшно. (нарочито спокойно) И все-таки я хотела бы, чтобы это было правдой. Ну, что она ему изменяла. Тогда есть вероятность, что мы не такие уж родные. Сводные. Это почти... почти кузены. Иногда мне кажется, что так и есть. У нас носы разные. И пятки. И б-б(кряхтит)-бока.

– Господи, опять ты за старое. Тебе так хочется, чтобы наша мать была шлюхой? По мне, так лучше, чтобы мы этого никогда не узнали.

– Узнаем, если найдем где-нибудь ее ДНК.

– ДНК! Ты телефон найти не можешь.

– А вот и могу. Вот он! – в клубах дыма над решеткой канализации мелькает женская рука. – О... звонок еще про-

должается.

– Что?

– Зво... Тебе что, никто не говорил, что если хочешь разбить телефон, то надо разбивать его... НАХРЕН?!

– Да что ты такое мелешь?

Дует холодный ветер, постанывая в трубах где-то сверху и сбоку. Тень женщины подносит к самому лицу собеседника прямоугольный предмет.

– Что... (неловкая пауза, страх нарастает) Выруби его! Выруби!

Телефон снова влетает в стену, кувыркается, шлепается на асфальт. В круге света появляется каблук и несколько раз бьет по корпусу, пока не раздастся хруст, а экранчик не гаснет.

Издалека, видимо, с автострады доносится сирена. Слышно тяжелое дыхание. Мужчина испуганным, тонким голосом спрашивает:

– Думаешь... Думаешь, он слышал?

– Видел бы ты себя. Как ребенок, застуканный с конфетой.

– Думаешь, он?..

– Да, да, да! Думаю, он слышал. И, знаешь что? Я рада. Рада!

– Господи.

– Правильно, бойся! Поймешь теперь, что почем. Правда она такая, всегда вырывает из тебя по куску, как он вырывал

из мамы. Бойся. Бой... Ты что делаешь? Ты что, плаче... Тебе что, пять лет?

Слышатся всхлипы, тень мужчины сутулится. Собеседница отворачивается в сторону, вздыхает, затем подходит и обнимает его.

– Прости. Успокойся. Ус-по-кой-ся. Он тебе ничего не сделает. Ты уже не ребенок, а он не слишком здоровый старик. Мы что-нибудь придумаем. Успокойся. (ласковым голосом) Хочешь конфетку? У меня с собой "мишки в лесу". Хочешь? Или спеть? Спеть тебе?

Она урчит под нос по-детски простой мотив, и низкий ее голос звучит глубоко, глухо, потусторонне. Плач медленно, но стихает.

– Знаешь, что мы сделали, братец? Прошли твою границу. Прошли горизонт событий.

– К-какой г-гориз-зонт?

– Эээ... границу черной дыры. Границу. После нее ты не можешь преодолеть притяжение черной дыры и проваливаешься туда без вариантов. А все, что туда попадет, уже не вернется. Выбраться нельзя. Будто наложили вето. Даже если достигнешь вот самой, самой огромной скорости, просто до задницы какой огромной, – не вернешься. Потому что на границе черной дыры нет ни времени, ни пространства, ни света, ни тебя. Статичная картинка, которая никогда ничего не покажет, на сомнется, не шевельнется. Мы с тобой прошли горизонт. Это ведь хорошо?

Оба молчат.

– А есть еще белые дыры – это наоборот, когда ты не можешь какого-то места достичь. Наверное, там что-то прекрасное, в этих белых дырах. Какая-то счастливая, везучая, как сука, вселенная, которая ни капли не похожа на нашу.

– Не выражайся, – голос мужчины слегка высок.

– Хочу и буду. Бедный, ты дрожишь. Дать тебе успокаивающее?

– Н-нет. Когда это ты подседа на таблетки?

– Я не подседа. Мне прописали после того срыва, но я не открывала упаковку. Подумала, нахрен, сама справлюсь. И теперь мы сами справимся. Да? Посмотри на меня. Посмотри на меня, – на стене видны два профиля, мужской и женский, друг напротив друга. – Мы пойдем в полицию и расскажем о маме. Все, что было. Его посадят, и нам ничто не будет угрожать. Мы всегда хотели это сделать – вот тебе повод. Его посадят, и мы заживем вместе. На остальных плевать. Слышишь? Плевать на них.

Тень собеседника нервно мотает головой.

– Он убьет нас. Тогда точно убьет. У него в полиции свои. В конторах. В бюро. Ты ничего не знаешь, а я видел. Просто щелкал пальцами, и...

– Тогда бежим. Уедем.

Мужчина отстраняется и уходит из круга света, затем возвращается. Точно мечется зверь по клетке. Бьет ногой по луже, и стену заляпывает грязной водой.

– Уехать. Уехать (повышает голос)! Куда уехать? На закат, в открытом кадиллаке? Куда мы уедем? Это бесперспективно.

– О, вот опять заумное словцо.

– Это обычное словцо! Господи, ты меня доведешь!

– Ты слышишь?

Откуда-то сверху звучит медленная, тоскливая мелодия, точно флейта плачет на могиле. Обе тени вытягивают шеи вверх.

– Красиво, – голос у женщины замороженный. – Это ведь оно? Это играло, когда мама уме... когда мама... (совсем тихо) Как это называется?

– Да. Оно. "Спокойной ночи, луна".

Оба молчат, затем силуэт собеседника опускает голову. Слышится низкий, вибрирующий звук.

– Мне звонят, – тихо, как приговоренный, выдавливает мужчина. Фонарь мигает и теперь светит тускло, будто вот-вот погаснет.

– Так возьми трубку.

– А вдруг?..

Напряженная пауза.

– Когда ты себе купишь телефон, где можно увидеть, кто звонит?

– Я не...

Вибрирующий звук становится надоедливым, монотонным, словно комар летает над самым ухом.

– Будь хоть раз смелым, возьми телефон.

– А если?.. Господи, у меня сердце колотится.

Гудение смолкает, у мужчины едва не подкашиваются ноги. Через несколько секунд раздается "ту-Ту" – будто приходит сообщение.

– Хоть "смс" ты прочтешь?

– Н-не... н-не м-мо...

Тень женщины выхватывает у собеседника мобильный, раздается щелчок, какой бывает при открытии "раскладушки".

– Ммм... Папа пишет, что я не ответила ему про балет, а потом оказалась вне зоны доступа. Просит передать, чтобы я ему перезвонила, если увидишь раньше. Он ничего не слышал. Успокойся.

Воцаряется глухая тишина, затем мужчина не то стонет, не то вздыхает.

– Господи, ты меня с ума сведешь. Господи, ты... Ты дура, ненормальная, невозможная, дура, у которой в голове черти что, ты...

Собеседница шлепает его по лицу. Смачно так, громко, ошеломляюще.

– Я тебе обещала, помнишь? Если ты еще раз назовешь меня дурой, или стервой, или неврастеничкой, я тебя избью. Клянусь.

– Делай, что хочешь, – тон усталый, обиженный, – я ухожу. К черту тебя. К черту тебя и всю нашу семью. К черту! Я по-

знакомился с одной девушкой. Я думаю, у меня с ней может получиться. Нормально. Понимаешь? Нормально, а не...

– Тогда почему ты со мной тут стоишь? Ну, говори?

– Это мерзко. Ты, я... это будет просто мерзко.

Женщина судорожно вздыхает, ее тень скребет носком туфли асфальт.

– (грустным голосом) Не говори так. То, что мы чувствуем – это чистое, доброе.

– Это мерзко! – повторяет уже громче собеседник. Его силуэт растворяется в неосвещенной части, появляется и снова пропадает, будто не хватает слов, чтобы выразить все эмоции.

– Ты хороший, добрый человек. Ты прекрасный человек, но единственного, кто способен разглядеть это в тебе, кто хочет помочь тебе стать лучше, ты сначала пытаешься соблазнить, а потом отталкиваешь. Ты понимаешь, каково мне? Зачем ты так делаешь?

– Потому что мерзко!

– Угу-угу (раздраженно). Знаешь, у меня твой телефон, и мне только клавишу нажать, чтобы позвонить отцу. И, клянусь, я позвоню, если ты еще раз скажешь это слово.

Мужчина резко останавливается.

– Это мерзко. Это мерзко. Это мерзко, мерзко, мерзко, мерзко, мерзко, мерзко, – он повторяет быстро-быстро, как заведенный, и постепенно переходит на визг. – ЭТО МЕРЗКО! ЭТО МЕРЗКО!!!

– Плакса!

Фонарь гаснет, улица погружается во мрак. Слышится гул автострады, частое дыхание, хрип, возня, клекот каблуков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.